

ЗАРЯ

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКІЙ НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Издается при ближайшемъ участіи

Г. В. ПЛЕХАНОВА, В. И. ЗАСУЛИЧЪ и П. В. АКСЕЛЬРОДА.

Цѣна 2 руб.

Адресъ для присылки рукописей и денегъ (только изъ заграницы):

2
J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.) in Stuttgart.

Оглавленіе.

	Стран.
Отъ редакціи	V
Еще разъ социализмъ и политическая борьба. Г. Плеханова	1
Воспоминанія. Переводъ съ рукописи Карла Каутскаго	33
Что случилось? Старовѣра	47
Критика нашихъ критиковъ. Г. Плеханова	75
Замѣчанія на программу „Рабочаго Дѣла“. Н. Рязанова	118
О старомъ и новомъ. Бывалаго	137
Чему учить харьковская маевка? А. Б.	143
Гимнъ новѣйшаго русскаго социалиста. Нарциса Тупорылова	152
Четырнадцатое декабря 1825 года. Г. Плеханова	154
Борьба въ тюрьмѣ. В. Засуличъ	175
Европейскіе рабочіе и ихъ русскій историкъ. П. Молотова	187
Нѣсколько словъ о послѣднемъ парижскомъ международномъ социалистическомъ конгрессѣ. Г. Плеханова	231
Случайныя замѣтки. Т. X.	247
Библиографія:	
Философскія и социологическія основанія марксизма. Этюды по социальному вопросу — Масарика, профессора чешскаго университета въ Прагѣ. Переводъ съ нѣмецкаго П. Николаева	271
La propriété foncière en Belgique, par Emile Vandervelde	280
Bibliothèque socialiste, Paris 1900. № 1: Manuel du coopérateur socialiste, par Maurice Lauzel. — № 2—4: Le collectivisme et l'évolution industrielle, par Emile Vandervelde. — № 5: Proudhon, par Hubert Bourgin	284
Штундистъ Павелъ Руденко. Романъ С. Степняка (С. М. Кравчинскаго) В. З.	286

как типъ. И. С. Тургеневъ замѣтилъ, что русскій человѣкъ не только что шапку, но и мозги носить на бекрень. Вотъ попадаетъ этакой-то „съ мозгами на бекрень“ за границу, въ Германію, побываетъ на нѣсколькихъ собраніяхъ, почитаетъ газеты, книжки, толкомъ не разберется, хватается модныхъ фразъ, и пошелъ чудить! Господинъ Прокоповичъ изъ всей той кучи книгъ, которую цитируетъ, и одной порядкомъ не прочиталъ. Хотъ и дѣлаетъ видъ, будто стремится къ высшей объективности, намѣренъ считаться только съ фактами, но на самомъ дѣлѣ онъ фактовъ не изучалъ, а выкраиваетъ ихъ съ точки зрѣнія немудреныхъ теоретическихъ предпосылокъ, которыя захватилъ у Бернштейна: социализмъ туманная будущность, въ которой никакой чертъ не разберется. Вся суть въ практической дѣятельности настоящаго. Между прочимъ, онъ такимъ образомъ безсознательно совершилъ интересный экспериментъ: примѣнилъ тактику Бернштейна къ прошлому. И вотъ социаль-демократія въ самихъ своихъ исходныхъ пунктахъ и въ своемъ послѣдовательномъ развитіи оказалась ошибкой. Но такъ какъ социаль-демократія историческій фактъ, то этимъ очевидно только доведена до абсурда и тактика Бернштейна. Оказалось, что съ этой точки зрѣнія социаль-демократію понять нельзя. Г. Прокоповичъ разумѣется, этого не понимаетъ и не замѣчаетъ. Заломивъ шапку на бекрень, онъ выбиваетъ трепака по рабочему вопросу.

Не всѣ господа Прокоповичи попадаютъ въ литературу. Дѣло случая. Но въ литературѣ ли, въ жизни ли, всѣ они имѣютъ одну общую черту хлесткости, основанной на узости — какъ хлестокъ и узокъ целкающій кнутъ, хлесткости, основанной на органической неспособности видѣть болѣе чѣмъ одну сторону явленія. Въ ихъ недомыслии лежитъ ихъ самоувѣренность. Они не ломаютъ своей головы надъ сложными вопросами, они все разрѣшаютъ просто и скоро. Не понимая вѣковой работы философской мысли („теоріи“), они относятся къ ней съ злобствующимъ озорничествомъ. Они всегда были и будутъ, и носятся надъ поверхностью общественной жизни, какъ комары лѣтнимъ вечеромъ надъ рѣкой, такіе же жужжащіе и назойливые. Направление? Его опредѣляетъ дуновение вѣтра! Сегодня реформизмъ, завтра анархизмъ. Именно благодаря своей легковѣсности они являются хорошими показателями поверхностныхъ теченій, но ужъ, разумѣется, не направленія рѣкъ и движенія водъ морскихъ.

П. Молотовъ.

Нѣсколько словъ

о послѣднемъ парижскомъ международномъ социалистическомъ конгрессѣ.

(Открытое письмо къ товарищамъ, приславшимъ мнѣ полномочіе.)

Товарищи!

Вы поручили мнѣ представлять васъ на парижскомъ международномъ социалистическомъ конгрессѣ. Искренно благодаря васъ за оказанное мнѣ довѣріе, я считаю своей обязанностью сообщить вамъ, какъ относился вашъ уполномоченный къ тому, что тамъ происходило, и объяснить, почему онъ относился къ происходившему именно такъ, а не иначе.

Начну съ перваго засѣданія, происходившаго 23-го сентября. Въ этомъ засѣданіи делегаты разныхъ странъ, привѣтствуя конгрессъ отъ имени своихъ партій, много распространялись о значеніи единства и настоятельно совѣтовали французскимъ социалистамъ объединиться для совместной борьбы съ общимъ врагомъ. Идея единства такъ сильно увлекла нѣкоторыхъ ораторовъ, что сдѣлала ихъ неразборчивыми въ выборѣ доводовъ и примѣровъ. Такъ, краснорѣчивый представитель Бельгій, Эмиль Вандервельдъ, сослался на примѣръ „тѣхъ, которые въ 1793-мъ году несли знамя революціи“, и которымъ разногласія не помѣшали идти вмѣстѣ противъ непріятеля. „Социалисты 1900-го года — воскликнулъ ораторъ, — неужели вы не въ состояніи сдѣлать то, что сдѣлали буржуа 1793-го года?“ Эти слова вызвали цѣлую бурю рукоплесканій. Но мнѣ они тогда же показались странными. Въ самомъ дѣлѣ, 1793-й годъ ознаменовался жесточайшей борьбой Горы съ Жирондой. Если эта борьба не помѣшала французскимъ революціонерамъ дать хороший отпоръ общему врагу, то это значитъ, что объединеніе революціонеровъ не составляетъ необходимаго условія ихъ успѣха. А если принять во вниманіе еще и то, что побѣда монтаньяровъ надъ жирондистами удесѣтерила силу сопротивленія революціонной фракціи, а примиреніе этихъ двухъ партій навѣрное очень ослабило бы ее, то выходитъ, что въ революціонномъ дѣлѣ добрая ссора иногда бываетъ лучше худого мира, и что объединеніе революціонныхъ силъ полезно не всегда, а только при извѣстныхъ условіяхъ, — выводъ прямо-противоположный тому, къ которому хотѣлъ придти Вандервельдъ!...

Кто проповѣдуетъ объединеніе, тотъ не долженъ ограничиваться общими соображеніями объ его преимуществахъ, а долженъ внимательно изслѣдовать тѣ конкретныя условія, при которыхъ приходится дѣйствовать борющимся сторонамъ. Когда выяснятся эти условія, тогда само собою обнаружится то, что является препятствіемъ для объединенія, и тогда его сторонникамъ и проповѣдникамъ останется только устранить это препятствіе, чтобы положить прочное начало прочнаго мира. Если же они, по той или по другой причинѣ, не пожелаютъ взять на себя трудъ устраненія того, что мѣшаетъ единству, и ограничатся одними рѣчами на тему о вредѣ ссоры и о прелестяхъ взаимной любви, то они въ лучшемъ случаѣ ровно ничего не сдѣлаютъ для объединенія, какъ бы ни были сильны и красивы ихъ рѣчи.

Эти мысли быстро промелькнули въ моей головѣ, когда я слушалъ сильную и красивую рѣчь Вандервельда. И такъ какъ ни этотъ ораторъ и никто другой изъ проповѣдниковъ единства не коснулся истинныхъ причинъ разлада, существующаго во французской социалистической средѣ, и не выразилъ намѣренія содѣйствовать ихъ *устраненію*, то я, — не желая вносить диссонансъ въ примирительное созвучіе, а съ другой стороны находя излишнимъ пускаться въ общія разсужденія о вредѣ раздоровъ, — рѣшился вовсе не касаться этой интересной темы, и когда очередь дошла до меня, я, въ своемъ присутствіи конгрессу, ограничился указаніемъ на положеніе дѣлъ у насъ въ Россіи, гдѣ русскія и еврейскія рабочія организации идутъ подъ однимъ знаменемъ на завоеваніе лучшаго будущаго, смѣло отражая удары того правительства, свирѣпый деспотизмъ котораго позоритъ весь цивилизованный міръ.*)

На засѣданіяхъ международныхъ конгрессовъ председательствуютъ, обыкновенно, по очереди представители различныхъ странъ, выбираемые изъ членовъ „бюро“, въ которомъ участвуетъ по два делегата отъ каждой, представленной на конгрессъ національности. Но на *первомъ* засѣданіи председательствуетъ одинъ изъ делегатовъ той страны, въ которой конгрессъ имѣетъ мѣсто и на обязанности социалистовъ которой лежатъ многоразличныя хлопоты, связанныя съ его созваніемъ. На первомъ засѣданіи парижскаго международного конгресса 1900-го года председательствовалъ Жоржесъ, выбранный на этотъ постъ большинствомъ французской делегации, несмотря на энергичное и страстное сопротивление „гедистовъ“ и „бланкистовъ“. „Гедисты“ и „бланкисты“ утверждали, что лица, желавшія выбрать Жоржеса на постъ председателя, оказались въ большинствѣ только благодаря случайному недоразумѣнію. Сторонники Жоржеса оспаривали это, доказывая, что никакого недоразумѣнія тутъ не могло быть и не было. Я не стану разбирать, кто говорилъ правду — хотя и думаю, что говорили ее не жоржесисты, — но замѣчу, что во всякомъ случаѣ выборъ Жоржеса на председательское мѣсто совершился *противъ воли самыхъ испытанныхъ и самыхъ надежныхъ социалистическихъ организаций Франціи*. При этихъ условіяхъ Жоржесу, этому барду „объединенія“, было бы, разумѣется, лучше отказаться отъ председательства. Онъ не сдѣлалъ этого. Допустимъ, что формальное право было на его сторонѣ. Но когда иностранные делегаты, немедленно по открытіи конгресса, начали превозносить объединеніе, то ихъ рѣчи, вѣроятно, противъ желанія огромнаго большинства изъ нихъ, звучали какъ порицаніе тѣхъ, — повторяю, *самыхъ испытанныхъ и самыхъ надежныхъ*, — французскихъ социалистовъ, которые, за нѣсколько минутъ до того, энергично и шумно протестовали противъ выбора Жоржеса председателемъ. Это было и не ловко, и несправедливо въ одно и то же время.

Я не сталъ бы распространяться объ этомъ, если бы проповѣдь объединенія, не совсѣмъ умѣстная при указанныхъ обстоятельствахъ, не была въ моихъ глазахъ психологическимъ симптомомъ, объясняющимъ отношеніе большинства членовъ конгресса къ стоявшимъ передъ нимъ спорнымъ вопросамъ.

Самымъ важнымъ и самымъ жгучимъ изъ этихъ спорныхъ вопросовъ былъ, какъ извѣстно, вопросъ о *завоеваніи политической власти* социали-

*) Отъ Россіи явился на парижскій конгрессъ 24 делегата: больше, чѣмъ отъ Австріи (13), Италіи (16), Швейцаріи (10), Голландіи (9) и т. д. Не скрою отъ васъ, товарищи, что это обстоятельство вызвало шутливыя замѣчанія, къ которымъ російской социаль-демократіи не слѣдовало бы подавать поводъ.

стическимъ пролетаріатомъ и о союзѣ этого пролетаріата съ буржуазными партіями. Присутствовавшіе на конгрессѣ делегаты различно смотрѣли на этотъ вопросъ, но едва-ли былъ между ними хотя одинъ, который не предвидѣлъ бы напередъ, что именно вокругъ этого вопроса завяжется самая горячая борьба, и что именно онъ привлечетъ къ себѣ самое главное, самое напряженное вниманіе конгресса.

Чѣмъ же обусловливалось такое выдающееся его значеніе? Нѣкоторые говорятъ, что оно обусловливалось участіемъ социалиста Милльрана въ буржуазномъ министерствѣ Вальдекъ-Руссо. Это не точно. Вопросъ о завоеваніи политической власти социалистическимъ пролетаріатомъ несомнѣнно очень обострился, благодаря вступленію Милльрана въ названное министерство. Но необходимость его пересмотра сознавалась социалистами разныхъ странъ *раньше*, чѣмъ Милльранъ принялся спасать французскую республику въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ кровожаднымъ солдатомъ Галлифѣ, прославившимся своею истинно-варварскою жестокостію при подавленіи Парижской Коммуны. Милльранъ вступилъ въ министерство 22-го іюня 1899-го года, а между тѣмъ уже *въ маѣ* этого года, на международной социалистической конференціи въ Брюсселѣ рѣшено было, по моему предложенію, занести вопросъ о завоеваніи власти пролетаріатомъ въ число вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію на предстоящемъ конгрессѣ. Ясно, стало быть, что *независимо* отъ появленія Милльрана въ ненужномъ мѣстѣ (какъ сказалъ бы Герценъ) и *раньше* его у социалистовъ разныхъ странъ накопилось достаточно поводовъ для того, чтобы снова спросить себя: *Какія же именно политическія цѣли должны ставить передъ собою пролетаріатъ, борющійся за свое экономическое освобожденіе?*

И кто слѣдилъ за социалистической литературой послѣднихъ лѣтъ, тотъ знаетъ, въ чемъ состояли эти поводы. Послѣдніе годы ознаменовались появленіемъ въ этой литературѣ новаго, „критическаго“ направленія представители котораго утверждали, что движеніе *все*, а конечная цѣль *ничто*, и настоятельно совѣтовали социальной демократіи покинуть всякую мысль о революціонномъ способѣ дѣйствій и превратиться въ мирную *партію социальной реформы*. Въ своемъ логическомъ развитіи это „новое“ ученіе неизбежно должно было повести къ пересмотру понятія о политическихъ задачахъ рабочаго класса и къ попыткамъ устраненія изъ него всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые оказались бы несоответствующими „новому курсу“.

Предлагая брюссельской международной конференціи поставить на очередь вопросъ о завоеваніи политической власти пролетаріатомъ,*)) я хотѣлъ заставить „критиковъ“ высказать свою мысль до конца и тѣмъ самымъ обнаружить ея истинное содержаніе. То же намѣреніе имѣли, если я не ошибаюсь, и поддерживавшіе мое предложеніе делегаты нѣкоторыхъ другихъ странъ, съ Либкнехтомъ во главѣ.

Къ сожалѣнію, парижскій конгрессъ 1900-го года не далъ въ этомъ отношеніи того, чего отъ него можно было ожидать. Онъ не привелъ къ рѣшительному объясненію между такъ называемыми *догматиками* (которыхъ подъ сердитую руку называютъ также *фанатиками* и *сектантами*) и такъ называющими себя *критиками*. Даже болѣе. На конгрессѣ было сдѣлано много усилій для того, чтобы *обойти* тѣ разногласія, существованіе которыхъ въ нашей средѣ теперь ни для кого не тайна. И я съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что эти усилія увѣнчались довольно значительнымъ успѣхомъ.

*) О союзѣ съ буржуазными партіями въ Брюсселѣ, сколько я помню, рѣчи не было.

По вопросу о союзъ съ буржуазными партиями конгрессу предложено было Гедомъ рѣшеніе, принятое за нѣсколько дней до того на конгрессѣ французской рабочей партіи въ *Иври* и гласящее, что союзы этого рода (не забываяте, товарищи, что рѣчь идетъ о Западѣ, гдѣ *уже* существуетъ конституціонный порядокъ) всегда опасны для социалистической партіи и потому ихъ надо довести до минимума, заключая ихъ только въ исключительныхъ случаяхъ и только на время. Это рѣшеніе было принято конгрессомъ единогласно. Разумѣется, очень можно усомниться въ томъ, что оно вполне точно выразило взгляды сторонниковъ „новаго метода“. Но они не возражали противъ него, вѣроятно, успокаивая себя тою мыслью, что дѣло не въ самомъ *рѣшеніи*, а въ его *истолкованіи*: если Милльрантъ, ссылаясь на исключительныя обстоятельства, до сихъ поръ остается въ министерствѣ Вальдека-Руссо, совершившемъ тяжкіе, непростительныя грѣхи противъ рабочего класса, и если ссылка Милльрана кажется очень убѣдительною Жоржесу и многимъ другимъ, болѣе или менѣе „независимымъ“ французскимъ социалистамъ, то очевидно, что подъ предлогомъ временныхъ союзовъ, вынужденныхъ исключительными обстоятельствами, можно навсегда побраться съ буржуазными демократами, ни на волосъ не погрѣшивъ противъ *буквы* принятаго парижскимъ конгрессомъ рѣшенія. А что сторонники „новаго метода“ умѣютъ давать очень широкое истолкованіе рѣшеніямъ социалистическихъ конгрессовъ, это мы видѣли не только во Франціи, но также и въ Германіи: достаточно вспомнить, какъ истолковали тамъ „бернштейнціи“ извѣстное постановленіе ганноверскаго конгресса, сдѣланное по предложенію Бебеля.

Но хотя рѣшеніе, принятое въ Парижѣ относительно союза съ буржуазными партиями, и можетъ быть ложно истолковано тѣми, которые найдутъ свою выгоду въ ложномъ его истолкованіи, все таки не подлежитъ сомнѣнію, что, принимая это рѣшеніе, парижскій конгрессъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее, для того, чтобы ясно и точно отвѣтить на стоявшій передъ нимъ вопросъ. Не совѣмъ такъ отнесся онъ къ вопросу о завоеваніи пролетаріатомъ политической власти.

Рѣшеніе, принятое имъ на этотъ счетъ, предложено было Каутскимъ и гласитъ такъ:

„Въ современномъ демократическомъ государствѣ завоеваніе политической власти пролетаріатомъ не можетъ быть достигнуто просто путемъ какого-нибудь насильственнаго дѣйствія (eines blossen Handstreichs), но можетъ явиться лишь результатомъ длинной и трудной работы въ области политической и экономической организациіи пролетаріата, а также результатомъ его физическаго и нравственнаго возрожденія и постепеннаго проникновенія избранныхъ имъ представителей въ муниципальные совѣты и законодательныя собранія.

Но гдѣ правительственная власть централизована, тамъ ея завоеваніе не можетъ совершиться по частямъ. Вступленіе отдѣльнаго социалиста въ буржуазное министерство не можетъ считаться нормальнымъ началомъ завоеванія политической власти и должно быть разсматриваемо какъ временный и исключительный приемъ въ борьбѣ съ трудными обстоятельствами.

Находятся ли на лицо въ отдѣльномъ случаѣ эти трудныя обстоятельства — это вопросъ тактики, а не принципа. Онъ не подлежитъ разсмотрѣнію конгресса. Однако, во всякомъ случаѣ этотъ опасный опытъ можетъ быть полезенъ лишь тогда, когда его одобряетъ значительное большинство организованной социалистической партіи, и когда социалистическій министръ является и остается уполномоченнымъ этой партіи.

Гдѣ социалистическій министръ дѣйствуетъ независимо отъ своей партіи; гдѣ онъ перестаетъ быть ея уполномоченнымъ, тамъ его вступленіе въ

министерство превращается изъ средства, способствующаго усиленію пролетаріата, въ средство, содѣйствующее его ослабленію, и изъ средства, способствующаго завоеванію политической власти, въ средство, препятствующее этому завоеванію.“

Въ этомъ рѣшеніи прежде всего поражаетъ его первая часть, указывающая на то, что завоеваніе политической власти не можетъ быть простымъ дѣломъ какого-нибудь акта насилія, а предполагаетъ длинную и трудную подготовительную работу. Мысль, выраженная здѣсь, *совершенно справедлива*. Но зачѣмъ понадобилось конгрессу высказывать эту мысль? Развѣ на конгрессѣ были люди, отрицавшіе ея справедливость? Нѣтъ, такихъ людей на конгрессѣ не было. Или, можетъ быть, въ социалистической литературѣ цивилизованныхъ странъ стали выступать „критики“, доказывающіе, что для завоеванія политической власти пролетаріатомъ достаточно одного удалого „coup de main“? Нѣтъ, о такихъ критикахъ тоже ничего не было слышно, а было, наоборотъ, очень много слышно о критикахъ, оспаривавшихъ правильность того неоспоримаго положенія Маркса, что сила всегда была повивальной бабкой стараго общества, беременнаго новымъ.*) Марксизмъ, взявшійся выработать проектъ рѣшенія, долженъ былъ прежде всего выразить свое отрицательное отношеніе къ этимъ критикамъ, и только уже послѣ этого перейти къ указанію тѣхъ, — лишь постепенно возникающихъ, — экономическихъ, социальныхъ и политическихъ условий, при которыхъ сила рабочего класса можетъ сыграть свою роль повивальной бабки въ капиталистическомъ обществѣ. Ему надо было держаться *наступательнаго* образа дѣйствій. Каутскій поступилъ не такъ. Онъ вспомнилъ, что „критики“ упрекаютъ насъ въ „*бланкизмъ*“ и, желая *оборониться* отъ критиковъ, онъ пригласилъ конгрессъ высказаться противъ людей, думающихъ, что одного акта насилія достаточно для завоеванія пролетаріатомъ политической власти.

Такая тактика была и *неумѣстна* и *недостаточна*. *Неумѣстна* — потому что предлагаемое Каутскимъ рѣшеніе могло быть — и отчасти въ самомъ дѣлѣ было — истолковано какъ камень, брошенный имъ въ огородъ *французскихъ бланкистовъ*, нападать на которыхъ было *по меньшей мѣрѣ* не нужно. А недостаточна эта тактика была потому, что вносила слишкомъ много мягкости въ отношеніи къ „критикамъ“, противъ которыхъ слѣдовало высказаться рѣшительно и рѣзко.**)

Когда я прочиталъ разбираемую здѣсь часть рѣшенія, я замѣтилъ Каутскому, что точка зрѣнія эволюціи ни мало не исключаетъ взгляда на насиліе, какъ на одинъ изъ факторовъ завоеванія пролетаріатомъ политической власти. Онъ отвѣтилъ мнѣ указаніемъ на слова: „Завоеваніе политической власти не можетъ быть достигнуто просто путемъ какого-нибудь насильственнаго дѣйствія“ (въ нѣмецкомъ проектѣ рѣшенія: eines blossen Handstreichs). Онъ былъ правъ: сказать, что для данной цѣли *недоста-*

*) Какъ видно изъ писемъ Энгельса къ Лафаргу, недавно обнаруженныхъ въ парижскомъ „Socialiste“, неизмѣнный другъ и вѣрный единомышленникъ Маркса до самой смерти своей не сомнѣвался въ правильности этого положенія. Замѣчу мимоходомъ, что эти письма вполне подтверждаютъ вѣрность моего истолкованія знаменитаго предисловія Энгельса къ книгѣ Маркса „Die Klassenkämpfe in Frankreich“ (см. мое предисловіе къ новому женевскому изданію Коммунистическаго Манифеста).

**) При томъ же Каутскій забылъ прибавить, что „*современное демократическое государство*“, которое онъ имѣлъ въ виду, существуетъ далеко не во всѣхъ странахъ западной Европы — обстоятельство, не могущее остаться безъ сильнѣйшаго вліянія на тактику социалистовъ.

точно действия одного фактора, не значить отрицать возможность или умѣтность дѣйствія. Но, какъ говорятъ французы, музыку дѣлаетъ *тонъ*. А мнѣ казалось, что „тонъ“ предложеннаго Каутскимъ проекта способенъ былъ вызвать много недоразумѣній. Опытъ показалъ, къ моему крайнему сожалѣнію, что я былъ правъ.

Во французскомъ переводѣ этого проекта вмѣсто словъ: не можетъ быть достигнуто „*просто путемъ какого-нибудь насильственного дѣйствія*“ оказались слова: „*Не можетъ быть достигнуто путемъ какого-нибудь насильственного дѣйствія*“, и благодаря этому устраненію одного, очень „простого“ словечка, акушерская роль силы была объявлена совершенно излишней въ примѣненіи къ „современному демократическому обществу“. Я не знаю, по чьей винѣ (или по чьей инициативѣ) произошло это *искаженіе нѣмецкаго подлинника*, но что оно было какъ нельзя болѣе на руку сторонникамъ „*новаго метода*“, въ этомъ мы убѣдились менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли послѣ конгресса.

Въ воскресенье, 7-го октября Милльранъ произнесъ въ Лансѣ (сѣверная Франція) рѣчь, въ которой онъ, со свойственной ему ловкостью адвоката, сумѣлъ, почти дословно повторяя рѣшеніе Каутскаго (въ его искаженномъ видѣ), осудить „насиліе, какъ способъ социальнаго преобразования“, а вмѣстѣ съ насиліемъ кетати и борьбу классовъ. Вѣрный защитникъ Милльрана, Жорэсъ, прекрасно понимая принципиальное и тактическое значеніе этой министерской деклараціи, нашелъ нужнымъ дружески пожуричь г. министра за его отрицательное отношеніе къ насилію; но въ то же время онъ поспѣшилъ сослаться на рѣшеніе парижскаго конгресса (опять въ его искаженномъ видѣ) какъ на доказательство того, что сами марксисты недалеко ушли въ этомъ случаѣ отъ Милльрана.*) Судите сами, товарищи, хороша-ли такая вопіющая путаница понятій!

Остальная часть проекта Каутскаго, посвященная вопросу объ участіи социалистовъ въ буржуазныхъ министерствахъ, грѣшила очевидной непоследовательностью. Съ одной стороны, она какъ будто совершенно не касалась современныхъ французскихъ отношеній, предоставляя нашимъ французскимъ товарищамъ расхлебывать „случай Милльрана“ (le cas Millegard), какъ они хотятъ и какъ умѣютъ. Съ другой же стороны, она заключала въ себѣ цѣлый рядъ косвенныхъ указаній на обстоятельства, сопровождавшія вступленіе Милльрана въ министерство Вальдека. Принимая ее, конгрессъ, съ одной стороны, какъ будто осуждалъ Милльрана, а съ другой онъ заявлялъ, что Милльранъ совсѣмъ ему не подсуденъ. Мнѣ казалось, что „международный парламентъ“ социалистическаго пролетаріата обязанъ былъ прямо и рѣшительнѣе высказаться на счетъ этого человѣка, который своимъ упорнымъ нежеланіемъ покинуть мягкое министерское кресло такъ сильно повредилъ дѣлу объединенія французскихъ социалистовъ. Я былъ убѣжденъ, что, осудивъ Милльрана въ ясныхъ и недвусмысленныхъ выраженіяхъ, конгрессъ сдѣлалъ бы для этого объединенія несравненно больше, чѣмъ сдѣлали его участники красивыми, но безплодными рѣчами на тему о наслажденіяхъ взаимной любви и о сладости примиренія. При томъ же теорія неподсудности Милльрана международному конгрессу казалась (и кажется) мнѣ сомнительной, если не совершенно ошибочной въ данномъ случаѣ. Вѣдь рѣчь шла собственно не о томъ, чтобы *судить Милльрана*, а о томъ, чтобы *высказать сужденіе* по поводу его всѣмъ извѣстнаго поступка. И я до сихъ поръ не могу понять, почему международный конгрессъ не имѣлъ бы права высказаться

*) См. „La Petite République“ отъ 10-го октября 1900 г. Тамъ же напечатана и рѣчь, произнесенная Милльраномъ въ Лансѣ.

на этотъ счетъ. Это тѣмъ менѣе понятно, что чуть-ли не каждый изъ ораторовъ, говорившихъ по поводу рѣшенія Каутскаго, считалъ своею обязанностью сказать нѣсколько словъ за Милльрана, или *противъ* него. . . .

Какъ бы тамъ, однако, ни было, огромное большинство членовъ коммисіи, выбранной конгрессомъ для выработки проекта рѣшенія по вопросу о завоеваніи политической власти, не желало, — по тѣмъ или по другимъ, вѣрнымъ или ошибочнымъ соображеніямъ, — чтобы конгрессъ открыто и ясно высказался о Милльранѣ. Личныя бесѣды съ членами этой коммисіи (въ составъ которой входилъ и я) показали мнѣ это съ самой полной ясностью. Тогда я попытался сдѣлать нѣкоторое (полезное, какъ мнѣ казалось) *добавленіе* къ тому, что было сказано, — посредствомъ косвенныхъ указаній, — въ проектѣ Каутскаго о „случаѣ Милльрана“. Я предложилъ прибавить къ этому проекту заявленіе конгресса о томъ, что даже и въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда социалистъ можетъ быть вынужденъ вступить въ буржуазное министерство, онъ *обязанъ оставить его, если оно обнаружитъ пристрастіе въ своемъ отношеніи къ борьбѣ труда съ капиталомъ*. Съ теоретической точки зрѣнія это добавленіе, если хотите, не выдерживаетъ критики: *какое же буржуазное министерство можетъ отнестись безпристрастно къ борьбѣ труда съ капиталомъ?* Но и въ пристрастіи *есть различныя степени*, и далеко не всякое буржуазное министерство рѣшится *такъ свирѣпо* подавлять волненія рабочихъ, вызываемыя экономической борьбой, какъ это дѣлало министерство Вальдека-Милльрана, дважды обогрѣнное кровью пролетаріевъ.*) Мое добавленіе имѣло цѣлью напомнить объ этомъ жестокомъ пристрастіи министерства Вальдека и тѣмъ лишній разъ наемкутъ Милльрану на то, что ему пора разстаться съ портфелемъ. Я не знаю, какъ повяли меня остальные члены коммисіи, но они приняли мое добавленіе значительнымъ большинствомъ къ неудовольствію Жорэса, который апеллировалъ къ моей „лояльности“ и записался, *чтобы говорить противъ меня*. Это послѣднее обстоятельство показалось мнѣ очень характернымъ для вожака той фракціи французскаго социализма, которая состоитъ изъ такъ называемыхъ *независимыхъ* и которая, тѣмъ не менѣе, находится въ полной *зависимости* отъ министерства. Мнѣ было очень интересно узнать, что можетъ сказать Жорэсъ противъ моего добавленія. Къ сожалѣнію, онъ не сказалъ ничего. Когда председатель коммисіи далъ ему слово, онъ всталъ и, на мгновеніе задумавшись, объявилъ, что собственно противъ моего добавленія онъ говорить не станетъ, а только попроситъ у меня нѣкоторыхъ разъясненій. „Кто будетъ судить о пристрастіи министерства, — спросилъ онъ, — не та-ли же организованная партія, о которой идетъ рѣчь въ проектѣ Каутскаго?“ Надо сознаться, что этотъ вопросъ былъ поставленъ чрезвычайно ловко. Я не могъ отрицать того, что право сужденія должно принадлежать организованной партіи. Но въ виду того, что во Франціи такой партіи не существуетъ, какъ *единой* организаціи, мое добавленіе лишалось, въ при-

*) Какъ разъ въ то время, когда на конгрессѣ обсуждался „случай Милльрана“, адвокаты этого министра, „*жорэсисты*“, распустили слухъ о томъ, что министерство передаетъ суду жандармовъ, стрѣлявшихъ въ шалонскихъ рабочихъ. „Чего же болѣе требовать отъ него?“ прибавляли они съ видомъ полного и умиленаго удовлетворенія. Жандармовъ, дѣйствительно, судили, но надо-ли прибавлять, что ихъ *отрадали*, и что судъ надъ ними былъ съ одной стороны жалкой комедіей для объегориванія простодушныхъ, а съ другой — *поощреніемъ стрѣлявшимъ* и, слѣдовательно, *новой угрозой* рабочему классу?

мнѣніи къ этой странѣ, всякаго практическаго смысла вплоть до того будущаго времени, когда объединятся французскіе социалисты, *раздѣляемые между прочимъ тѣмъ самымъ участіемъ Милльрана въ министерствѣ, о которомъ шла рѣчь.* Жоржесъ принимаетъ мое добавленіе съ тѣмъ условіемъ, чтобы комиссія измѣнила его слѣдующимъ образомъ:

„Конгрессъ полагаетъ, однако, что даже въ этихъ крайнихъ случаяхъ (о которыхъ говорится въ рѣшеніи Каутскаго, Г. П.) социалистъ долженъ покинуть министерство, если организованная партія найдетъ, что это послѣднее дало очевидныя доказательства своей пристрастности въ борьбѣ труда съ капиталомъ.“

Я попробовалъ отклонить предложенную Жоржесомъ поправку, какъ бесполезную, но Вандервельдъ и нѣкоторые другіе члены комиссіи замѣтили, что они приняли мое дополненіе, понявъ его именно въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему эта поправка. Я замолчалъ, убѣдившись въ томъ, что комиссія меня не поддержитъ.

Но какой же смыслъ получило теперь мое дополненіе? *Тотъ смыслъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ не существуетъ единой организованной партіи, социалистъ можетъ, ничто же сумняхуся, оставаться даже въ такомъ министерствѣ, которое дало очевидныя доказательства своей пристрастности.* Но я хотѣлъ сказать совсѣмъ не то, да и конгрессъ не могъ, при маломальски внимательномъ отношеніи къ дѣлу, согласиться на такую, по истинѣ удивительную формулировку своего мнѣнія. Я рѣшился обратиться его вниманіе на это обстоятельство и потому, придя на другой день въ залу засѣданія конгресса, я занесъ свое имя въ такъ называемый *списокъ ораторовъ.*

Но этотъ списокъ былъ такъ длиненъ, а у конгресса оставалось такъ мало времени, что по вопросу о рѣшеніи Каутскаго не пришлось говорить ни мнѣ, желавшему *дополнить* это рѣшеніе, ни даже самому Каутскому, желавшему разъяснить его истинный смыслъ.

Неожиданно обнаружившаяся невозможность получить слово по этому вопросу поставила меня передъ такой, довольно затруднительной, дилеммой: или безъ оговорокъ голосовать за проектъ Каутскаго, получившій, благодаря Жоржесу, очень странное окончаніе, или же подать свой голосъ *противъ* этого проекта и поддержать рѣшеніе, предложенное Жюлемъ Гэдомъ и одобренное *меньшинствомъ* нашей („девятой“) комиссіи.

Вотъ полный текстъ этого послѣдняго рѣшенія.

„Пятый международный конгрессъ, собравшійся въ Парижѣ, напоминаетъ, что подлѣ завоеваніемъ политической власти надо понимать мирную или насильственную политическую экспроприацію класса капиталистовъ.“

„Понятое такимъ образомъ, завоеваніе политической власти оставляетъ мѣсто лишь для занятія тѣхъ избирательныхъ постовъ, которыми партія завладѣетъ путемъ употребленія въ дѣло своей собственной силы, т. е. силы рабочихъ, организованныхъ въ партію, защищающую его классовые интересы (parti de classe), и по необходимости запрещаетъ всякое участіе социалиста въ буржуазномъ правительствѣ, по отношенію къ которому социалисты должны находиться въ непрерывной оппозиціи.“

Я не могъ безусловно одобрить это рѣшеніе, такъ какъ оно совершенно запрещаетъ участіе социалиста въ буржуазномъ министерствѣ, а я думалъ и думаю, — подобно Каутскому, — что въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ такое участіе можетъ быть *необходимо* для защиты насущныхъ интересовъ рабочаго класса. Все дѣло только въ томъ, чтобы социалистъ, вступившій въ буржуазное министерство, своимъ дальнѣйшимъ поведеніемъ и своими рѣчами содѣйствовалъ не *затемнѣнію* классового

самосознанія рабочихъ, — какъ это дѣлаетъ Милльрантъ,*) — *а его углубленію и развитію.* Возможно-ли это? Я думаю, что — да. И я увѣренъ, что даже самъ Милльрантъ, — не смотря на всю двусмысленность его социализма на розовой водѣ, — могъ бы хорошо повліять на французскій рабочій классъ, *въ смыслѣ развитія его самосознанія,* если бы, убѣдившись въ невозможности обуздать охранительное рвеніе своихъ товарищей по министерству, онъ вышелъ въ отставку, скажемъ, послѣ шалонскихъ событий, и надлежащимъ образомъ, смѣло и откровенно, разъяснилъ свой поступокъ рабочимъ въ особомъ воззваніи къ нимъ.***) А человекъ, лучше Милльрана усвоившій себѣ классовую точку зрѣнія и имѣющій болѣе революціонный темпераментъ, сдѣлалъ бы еще болѣе. Вотъ почему я считалъ неправильнымъ рѣшеніе, *предложенное Гэдомъ.* Но это по существу *неправильное* рѣшеніе казалось мнѣ все такъ *болѣе близкимъ къ истинѣ,* чѣмъ рѣшеніе Каутскаго съ моимъ добавленіемъ, *обезображеннымъ Жоржесомъ.* Поэтому я рѣшилъ *голосовать за рѣшеніе Гэда.*

Оно было, какъ извѣстно, отклонено огромнымъ большинствомъ голосовъ, одобреннымъ рѣшеніе Каутскаго. Преклоняясь передъ волей конгресса, я не могу, однако, не видѣть, что поправка, сдѣланная Жоржесомъ въ моемъ добавленіи, придала рѣшенію Каутскаго очень двусмысленный видъ, и также не могу не пожалѣть о томъ, что конгрессъ, участники котораго такъ краснорѣчиво *рекомендовали* объединеніе французскимъ социалистамъ, не пожалѣлъ *содѣйствовать* этому объединенію рѣшительнымъ осужденіемъ Милльрана и всей вообще „новой metody“.

Пора кончать! Кладя перо, я *только* замѣчу еще вотъ что. Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ точку зрѣнія полунаρχическаго народничества семидесятихъ годовъ, я, *comme de raison,* всегда стоялъ за „*политику*“. Но если бы вы знали, товарищи, сколько *политиканства* принесла съ собой „*новая метода*“ какъ на международный конгрессъ, такъ и на непосредственно за нимъ слѣдовавшій національный конгрессъ французскихъ социалистовъ! Я и до сихъ поръ не могу отдѣлаться отъ тяжелаго, по истинѣ мучительнаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня этимъ политиканствомъ. А вѣдь мы видѣли только *цвѣтики* „новой metody“; *ягодки* еще впереди. Нечего сказать, отрадная перспектива!

Крѣпко жму вамъ руку и отъ всей души желаю, чтобы вамъ не пришлось испытывать много подобныхъ впечатлѣній.

Преданный Вамъ

Г. Плехановъ.

P. S. Считаю себя обязаннымъ прибавить, что, подавая свой голосъ за предложеніе Ж. Гэда, я разошелся съ большинствомъ русской делегаціи, голосовавшимъ за предложеніе Каутскаго. Но за то я имѣлъ удовольствіе голосовать въ полномъ согласіи съ П. Аксельродомъ, В. Засуличъ и Д. Кольцовымъ.

Г. П.

*) См. въ особенности его знаменитую рѣчь на „банкетѣ торговли“, которую восторженно одобряла и комментировала буржуазная пресса.

**) „Вы должны признать, сказалъ я, обѣдая съ однимъ своимъ приятелемъ изъ числа жоржесистовъ, что Милльрантъ упустилъ прекранный случай сдѣлаться самымъ популярнымъ социалистомъ во Франціи.“ — Какимъ же это образомъ? спросилъ меня мой собесѣдникъ. „Очень просто: ему надо было выйти въ отставку послѣ Шалона и во всеуслышаніе заявить, что шалонскіе выстрѣлы даютъ новое доказательство пристрастности буржуазнаго правительства.“ — C'est peut être vrai, замѣтилъ мой пріятель-противникъ.